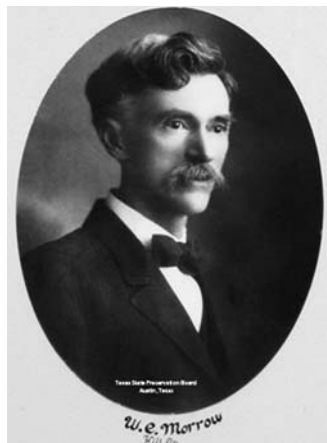

Уильям Морроу

[205]

ИЛ 8/2021

Три рассказа

Перевод с английского и вступление Андрея Танасейчука

“Странные” истории Уильяма Морроу

У Амброза Бирса, в его знаменитом “Словаре Сатаны” можно прочитать такие слова: “У. Ч. Морроу, живший в Сан-Хосе, Калифорния, обладал поразительным даром писать страшные истории. Его рассказы заставляли читателя буквально наяву чувствовать, как по спине, извиваясь, скользит змея с омерзительно холодной кожей, а от ужаса шевелятся волосы. Многих от его историй бросало в дрожь, а кое у кого даже не хватало отваги читать их в уединении”. Бирс хорошо знал писателя и его творчество. Морроу был его учеником и отчасти последователем. К тому же первые рассказы начинающего сочинителя появились в калифорнийских журналах “Argonaut” и “Wasp”, которые Бирс редактировал (конец 1870-х — 1880-е годы). Но не следует думать, что Морроу был его подражателем. Молодой автор искал свой собственный — особый путь и преуспел в этом. Впрочем, Бирс рядом с собой “подражателей” не терпел, среди его немногочисленных учеников “выживали” только самобытные дарования. Иные ему были просто не интересны.

Хотя Морроу сочинял не только рассказы, но и романы (у него их три: детективно-мистический — “Странное признание” (отдельным изданием он не выходил), экзотический — “Лентала” и мелодраматический — “Мужчина. Его удел”), его писательская репутация зиждется, прежде всего, на единственном новеллистическом сборнике “Обезьяна, идиот и другие персонажи”. При жизни автора он издавался только раз — в 1897 году. Рассказы в этот сборник отбирал сам писатель, их четырнадцать. Судя по всему, составляя книгу, он учитывал художественный уровень текстов, их стилистику и тематику.

Наследие Морроу-новеллиста, конечно, обширнее. Усилиями американских исследователей к настоящему времени собран основной корпус его короткой прозы — около сорока произведений. Некоторые из рассказов в наши дни включаются в антологии классической “страшной” и фантастической прозы, в последние годы появляются и авторские сборники. В США он давно воспринимается одним из классиков англоязычной “страшной прозы”.

Уильям Чемберс Морроу (1854—1923) был, главным образом, “журнальным писателем”. Его тексты — художественные и публицистические (последние, по обычаю времени, не всегда подписаны) — рассыпаны по страницам калифорнийских (“Californian”, “Overland Monthly”, “San Francisco Examiner”, “Call, San Francisco News Letter”) и общенациональных (“Lippincott Magazine”, “Philadelphia Magazine”, “Munsey’s Magazine”, “Smart Set”) периодических изданий. Большинство из них до сих пор не переизданы и широкому читателю совершенно не известны.

Как можно понять уже по рассказам (а также по немногочисленным сохранившимся фотографическим портретам), Морроу был личностью своеобразной. Судя по всему, серьезное влияние на его психику наложили впечатления детства. Он был “южанином” из богатой плантаторской семьи и оказался свидетелем “эксцессов” “покорения” Юга северянами: видел кровь, жестокость, насилие... Повлияла, разумеется, и личная трагедия: смерть единственного сына в младенчестве. Мать — жена писателя — не смогла оправиться от удара, да и отец, судя по всему, тоже.

Морроу сотрудничал во многих журналах, но был нелюдим, жил в уединении и не любил публичности. Поэтому известно о нем совсем не много. Как и многие калифорнийцы, на Западе человеком он был пришлым: его родина — “Глубокий Юг”, штат Алабама, город Селма. В двадцать лет Морроу оставил родные пенаты и перебрался в Калифорнию. Сначала обитал в Сан-Франциско. Но жизнь в шумном, суетном и космополитичном мегаполисе утомляла и действовала на нервы, потому молодой человек вскоре переехал в тогда еще тихий провинциальный Сан-Хосе. В Сан-Франциско познакомился с А. Бирсом. Мэтр стал литературным наставником начинающего писателя: правил тексты, помогал советами и т. п. Обладавший обширными связями и влиянием, Бирс ввел неопита в литературный

мир культурной столицы Запада, помог с первыми публикациями. Позднее их пути разошлись, с конца 1880-х Морроу “плыл” уже самостоятельно.

Хотя “страшную прозу” тогда писали многие, Морроу с самого начала отличался “лица не общим выраженьем”. Его тексты числят обычно по “ведомству” *suspense* или *weird tales*, но данное жанровое определение едва ли полностью соответствует тому типу историй, которые сочинял автор. Прежде всего, он явно не стремился развлечь читателя. Если в его коллизиях и присутствуют элементы “готики”, приключения, “страшилки” и т. п. — для него они не самоценны. Писатель был устремлен к изучению человеческой души, феноменов и состояний, возникающих в моменты глубоких нервных переживаний и фрустрации. Автора очень интересовал (в том числе, видимо, и по личным мотивам) феномен девиантного поведения, его формы, истоки и скрытые мотивы. Вероятно, потому его истории так густо населяют “девиантные” герои. С позиции “нормального” человека их поступки, мысли и деяния трудно объяснимы, но по-своему они последовательны и логичны. Автор постоянно задается вопросами: что есть “норма” и всегда ли “ненормальное” поведение на самом деле является таковым? Морроу собственные сочинения подобного рода называл “психологическими этюдами”, иногда — “исследованиями”, но неизменно “упаковывал” их в форму увлекательного повествования — с нетривиальным сюжетом, героем и ситуацией.

При жизни литератор был не слишком успешен — уж очень необычны были его рассказы. Читатель нередко недоумевал: всерьез это, или писатель над ним посмеивается? Что это — “страшный рассказ” или ядовитая ирония?

Скорее всего, именно в силу вышесказанного Уильям Морроу и его наследие явно “выпали” из поля зрения любителей страшной прозы — слишком уж он необычен для ценителей историй про вампиров, оборотней и иных порождений преисподней.

У. Морроу-писатель был довольно активен в 1880-е — 1900-е годы. Его “звездный час” как новеллиста связан с газетой “*San Francisco Examiner*” знаменитого У. Р. Херста (олигарха-медиамагната, политика со скандальной репутацией и создателя “желтой прессы”). Скорее всего, Морроу появился в газете с подачи А. Бирса, ведущего ее обозревателя. Именно на страницах этого издания были опубликованы, пожалуй, лучшие и самые известные истории писателя. С “*Examiner*” связаны и его журналистские успехи. Здесь Морроу зарекомендовал себя как бесстрашный репортер-расследователь — один из предтеч отважных “разгребателей грязи” начала 1900-х. В 1901—1902 годах он опубликовал серию разоблачительных репортажей под общим названием “Деньги на крови”, обличающих железнодорожные компании и преступную практику расправ с теми, кто не уступает приглянувшиеся им земли.

Но как успешно ни складывалась бы карьера Морроу-журналиста, все-таки это было не его дело: в конце 1890-х он уходит из газеты и пытается создать нечто вроде “школы писательского мастерства”. Тогда же, в 1899-м, Бирс так прокомментировал начинание своего бывшего ученика: “Жаль, что Морроу взялся других учить писать плохо, вместо того чтобы хорошо писать самому. Впрочем, не стоит расстраиваться: свинью петь соловьем не научишь, а его дарованию это не повредит. Он будет еще сочинять — во всяком случае, я на это очень надеюсь”. И действительно, в 1900-е Уильям Морроу вернулся в литературу, опубликовал больше десятка рассказов в ведущих журналах страны. Но, увы, это был уже не тот Морроу. Завораживающе странных историй он больше не писал. Что-то сломалось. Затем он обращается к крупным формам — роману и повести, сочиняет мемуары, явно рассчитывая на коммерческий успех. Но и здесь не складывается.

В 1910-е Уильям Морроу совершенно и окончательно исчезает с горизонта национальной словесности. Что с ним произошло, почему он перестал сочинять — доподлинно неизвестно. Есть информация о том, что писатель случайно оказался в Сан-Франциско в день катастрофического землетрясения, разрушившего мегаполис, и увиденное так его потрясло, что он уже не мог быть прежним и оставил литературу. В 1910-е — в самом начале 1920-х так и жил в Сан-Хосе, но, похоже, за пределами узкого семейного круга ни с кем не общался. Неизвестна и точная дата его смерти — ни день, ни месяц, ни даже год: 1923-й — это лишь предположение, а не достоверная информация.

Слава приходит к Морроу *post mortem*. В 1923 году Винсент Старретт, один из ведущих американских литературоведов того времени, посвящает ему пространную статью, в которой называет писателя “одним из самых недооцененных современных авторов”, “тонким стилистом”, наделенным к тому же “поразительным воображением”. На рубеже 1920—30-х годов знаменитый журнал “Weird Tales” публикует главные новеллы Морроу. Переиздаются его книги, особенно успешно — “Обезьяна, идиот и другие персонажи”. Но потом... его надолго забывают.

“Возвращение” писателя происходит уже в XXI веке, в эпоху Интернета: из небытия его извлекают поклонники жанра, затем подключаются литературоведы, издатели — появляются исследования, антологии, ведется розыск утраченных текстов, прижизненных газетных и журнальных публикаций, восстанавливаются факты биографии и т. д. Теперь его творчество — очевидный и немаловажный факт литературной истории США рубежа XIX-XX веков.

Российскому читателю Уильям Морроу, увы, неизвестен. Но он, безусловно, достоин того, чтобы его “странные” истории читали и на других языках. В том числе — на русском.